

## В шутку или всерьез? В поисках автора «Обманутого при дворе»

Юлия П. Крылова

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,  
krylova@igh.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются новые аспекты в проблеме установления авторства французского анонимного сочинения второй половины XV в., известного под названием «Обманутый при дворе» (*L'Abuzé en court*). В мировой историографии вопрос автора этого произведения давно оставлен из-за невозможности его решить. До XIX в. автором текста считался король Рене Анжуйский (1409–1480). Впоследствии эта гипотеза была опровергнута филологами, считавшими, что стиль сочинения не соответствует другим произведениям короля. О произведении неизвестно ничего, а сам текст не содержит каких-либо видимых отсылок к его создателю. Однако более широкий взгляд на контекст помогает выявить существенные обстоятельства, актуализирующие давнюю проблему. Из поля зрения исследователей до сих пор выпадали такие важные в идентификации «Обманутого при дворе» аспекты, как игровой характер средневековой культуры (особенно придворно-аристократической), активная литературная и театральная деятельность при дворе короля Рене Анжуйского, в частности чрезвычайно ценимого им шута Трибуле, широкая распространенность сочинения. Эти обстоятельства, рассмотренные воедино, включая события жизни самого короля, позволяют сделать вывод не только о придворном анжуйско-провансальском происхождении текста, но и о влиянии/участии в его создании шута Трибуле.

*Ключевые слова:* Франция, позднее Средневековье, двор, придворная литература, антикуриальная литература, Рене Анжуйский, театр, игра, обман, шут, читатель, писатель, рукописи

*Для цитирования:* Крылова Ю.П. В шутку или всерьез? В поисках автора «Обманутого при дворе» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 4. С. 30–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-30-49

## For fun or seriously? In search of the author of “L’Abuzé en court”

Yulia P. Krylova

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia, krylova@igh.ru*

*Abstract.* The article considers some new aspects for the issue of attribution of “L’Abuzé en court” (“Deceived at Court”) – the French anonymous text of the second half of the 15<sup>th</sup> century. In the world historiography questioning the authorship of the work since long has been abandoned. Until the 19<sup>th</sup> century the author of the text was considered to be the king Rene of Anjou (1409–1480). Later that hypothesis was refuted by scholars, as long as the style of the composition did not correspond to the king’s other works.

Nothing is known about “L’Abuzé en court” and the text itself does not contain any visible references to its creator. However, a broader view of the context helps one to identify significant circumstances updating the long-standing issue. So far the view of researchers has missed such important aspects for the identification of “L’Abuzé en court” – as the roles-playing nature of medieval culture, especially the courtly one, intense literary and theater activity at the court of the king Rene of Anjou, in particular, of his jester Tribulet, who was extremely appreciated by the king, and the wide popularity of the text. Those circumstances, considered together, including the life events of the king himself, allow one to make a conclusion not only on the Angevin-Provençal court’s origin of the text, but also on the influence / participation of the jester Triboulet in its creation.

*Keywords:* France, late Middle Ages, court, court literature, anti-curial literature, Rene of Anjou, theatre, play, deception, jester, reader, writer, manuscripts

*For citation:* Krylova, Yu.P. (2021), “For fun or seriously? In search of the author of ‘L’Abuzé en court’ ”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 30–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-30-49

...Усталая аристократия смеется...

*Й. Хейзинга. Осень Средневековья.*

В истории европейской культуры анонимные произведения не были редкостью. В Средние века подписывать свои труды было принято далеко не всегда. По мере приближения к Новому времени ситуация меняется, и принципиально анонимных

сочинений практически не остается. Для автора стало важным указать свое имя, поскольку зачастую это было связано с его дальнейшим финансовым благополучием и покровительством высокопоставленного лица. Но хотя мы не знаем авторов всех сохранившихся до наших дней сочинений, это не значит, что они изначально были анонимными. Некоторые произведения не содержат указания на их создателей, поскольку те и так были известны в тот момент.

В то же время существовал особый пласт литературных сочинений, в которых их создатели пытались скрыть свое авторство, хотя речь и не шла о запретных или вольнодумных сюжетах. В этих произведениях литературное творчество становилось игрой, в которой разоблачение автора не являлось самоцелью, а угадывание его имени вовсе не требовалось от читателя (их следует отличать от произведений, содержащих шутки или ребусы с зашифрованным именем автора, которые читатель раскрывал с минимальными усилиями).

Подобный прием в литературе известен с античности. К обману читателей были причастны многие писатели разных эпох: к примеру, Проспер Мериме с его Кларой Газуль, известные или неизвестные авторы, «создавшие» французскую поэтессу Луизу Лабе или Уильяма Шекспира [Nuchon 2006; Гилилов 1997]. Жажда мистификаций сохранилась до нашего времени, и современные нам писатели не прочь воспользоваться методом своих предшественников<sup>1</sup>. Не для каждой исторической эпохи мы можем выяснить, кто конкретно создал литературную «обманку». Зачастую сложно доподлинно восстановить обстоятельства жизни предполагаемого автора и тем более ход его мыслей в момент создания произведения. При этом литературные мистификации бывали произведениями неординарными. Нередко посредственный поэт, издававший под собственным именем заурядные в литературном отношении сочинения, создавал под псевдонимом гениальный «обман», оставшийся в веках [Ланн 1930, с. 209 и сл.].

---

<sup>1</sup> Среди современных популярных писателей можно было бы назвать Джоан Роулинг, автора знаменитой эпопеи о Гарри Поттере, скрывшуюся в какой-то момент под псевдонимом Роберт Гэлбрейт, или Бориса Акунина, создателя не менее известной серии романов об Эрасте Фандорине, публиковавшегося впоследствии как Анатолий Брусникин.

*Таинственный критик  
придворной жизни*

Несколько лет работы с французским анонимным текстом XV в., известным под названием «Обманутый при дворе» [Крылова 2015; Крылова 2017], неизменно возвращали меня к вопросу о его авторстве. Сразу надо сказать, что интрига таинственного автора явно удалась. О сочинении нам не известно ровным счетом ничего: ни точного времени его создания, ни места, ни обстоятельств. Нет, наконец, и малейшего намека на его создателя. Несколько поколений исследователей-филологов анализировали этот текст вполне академично, не подозревая, что за ним может скрываться литературная игра. Изучение того, какой была реакция современников автора на его текст, еще впереди, а вот исследователей текст, похоже, сумел ввести в заблуждение. На первый взгляд в нем нет чего-то исключительного. «Обманутый при дворе» – это позднесредневековое сочинение, написанное в русле так называемой антикуриальной традиции – литературного жанра, критикующего придворные нравы. Оно повествует об испытаниях, которые выпали на долю молодого человека, пытавшегося сделать карьеру при дворе некой правительницы. Все персонажи в нем скрыты под аллегорическими именами. Главного героя увлекают ко двору, обещая блестящую карьеру. Проведя там годы, состарившись и так ничего и не заработав, он покидает его, нищий, больной, оставленный друзьями и полностью опустошенный. Сюжет, как кажется, вполне банальный, а стиль автора не является вершиной литературного творчества, хотя в поэтическом таланте ему нельзя отказать. В то же время в написанном не без юмора сочинении чувствуется индивидуальность автора. Сочинение не может оставить равнодушным, интрига увлекает. Что перед нами: серьезное морализаторское произведение, осуждающее придворные порядки, или же это обманка, под маской нравоведения высмеивающая незадачливого простака? Поднимал ли в нем автор серьезные проблемы функционирования двора и взаимоотношений в этой среде, и потому скрыл свою личность, опасаясь последствий, или же сочинение написано с шутливой целью, возможно, для театральной постановки? Специально ли автор так тщательно скрывал свое имя или же его и так все знали, поэтому не было смысла его указывать? Кто и для кого мог создать такое произведение?

## *История начинается*

«Обманутый при дворе» (“Abuzé en court”) был создан, предположительно, во второй половине XV в. Более-менее достоверно можно утверждать, что текст появился не позднее 1473 г., поскольку этой датой обозначено окончание переписки одной из рукописей, хранившейся впоследствии в Национальной библиотеке Франции. Однако сама рукопись бесследно исчезла между 1843 и 1868 гг. [Dubuis 1973a, p. 11]<sup>2</sup>. Нижней временной границей исследователи предлагают считать 1450-е гг., но основывается она исключительно на таких косвенных наблюдениях, как, например, описываемые фасоны одежды [Dubuis 1973a, pp. 32–33]. Датировка, таким образом, остается весьма приблизительной.

На сегодняшний день сохранилось восемь манускриптов, содержащих «Обманутого...». О существовании еще как минимум нескольких известно по старым каталогам. Также мы знаем о десяти первопечатных изданиях этого текста. Чрезвычайно интригующим, а, возможно, даже и решающим в разгадке этой истории является тот факт, что на трех рукописях и инкунабуле, изданной известным фламандским печатником Коларом Мансьоном в 1479 г., автором значится Рене Анжуйский (1409–1480), король Сицилии, герцог Анжу, Лотарингии и граф Прованса<sup>3</sup>. Неудивительно, что до XX в. это сочинение приписывалось «доброму королю Рене». Однако впоследствии эта атрибуция была отвергнута. Издатели новых публикаций текста Э. Дроз и Р. Дюбюи усомнились, что принц, содержащий собственный двор, мог выступать с нелицеприятной критикой правителя и его окружения. Кроме того, из трех рукописей, упоминающих имя Рене, одна исчезла, а две другие содержали посредственные копии текста, что было решающим для Р. Дюбюи. От свидетельства издания Колара Мансьона 1479 г. отказались по причине того, что имя короля

---

<sup>2</sup> Не исключено, что верхняя граница может подлежать корректировке. Согласно недавнему исследованию, в сочинении начала 1471 г. «Спор семи служителей» содержатся прямые и косвенные отсылки к «Обманутому при дворе» [Науг 2013, pp. 144–145]. Однако вопрос требует дальнейшего изучения.

<sup>3</sup> Еще в одной рукописи (Chantilly, Musée Condé 299) имя сицилийского короля напрямую связывается с сочинением и значится на корешке переплета: “L`Abuzé en court par René roy de Sicile”. Учитывая, что переплет поздний, это не может иметь существенного значения, но подтверждает устоявшееся мнение относительно авторства Рене Анжуйского.

значилось в титуле, а не в самом тексте<sup>4</sup>. Известный отечественный филолог-романист В.Ф. Шишмарев решительно отвергал авторство Рене Анжуйского, считая, что «Обманутый при дворе» стилистически не соответствует прочим произведениям короля, атрибуция которых ныне считается достоверной. По его мнению, автор был скромного происхождения и мораль всего поучения рассчитана именно на людей невысокого ранга. Кроме того, анонимный автор использовал стилистические приемы, неизвестные по сочинениям короля Рене, в частности анафоры и резюмирование вышеизложенной мысли в виде афоризма в последней строфе стиха. Наконец, король Рене не стеснялся называть себя в текстах своих сочинений («я, Рене...»), и все они содержат посвящения близким ему людям<sup>5</sup>.

Современные французские филологи соглашаются со своими предшественниками, хотя специально этим вопросом никто больше не занимался. Одни просто констатируют, что «Обманутый...» написан в кругу Рене Анжуйского [Bouchet 2003, p. 46]. Другие, изучая творчество Рене, предлагают вообще пересмотреть гипотезу что текст был создан при его дворе [Naug 2013, p. 144].

Некоторые из выдвинутых доводов представляются вескими, но все же недостаточными для того, чтобы полностью отбросить принятую гипотезу и не попытаться выяснить, почему в трех рукописях и одной инкунабуле автором значился именно Рене Анжуйский, а не кто-то другой, например герцог Карл Орлеанский, также известный поэт и к тому же родственник Рене. В XIX в. большинство ученых соглашались со средневековой атрибуцией, находя в тексте подтверждающие это автобиографические аллюзии, отсылающие к жизни короля: воспитание в детстве пожилым клириком – дядей кардиналом де Бар, драматические обстоятельства всей жизни, длительное пребывание при французском королевском дворе, предательство ближайшего родственника – родного племянника короля Людовика XI, конфликт из-за его претензий на земли Рене и их потеря<sup>6</sup>. Эти аргументы имеют право на существование, однако также не разрешают со всей

---

<sup>4</sup> Droz E. Livres à gravures imprimés à Lyon au 15<sup>e</sup> siècle. T. 2. Lyon: Association Guillaume Le Roy, 1925. P. 1v.

<sup>5</sup> Chichmaref V. Notes sur quelques oeuvres attribuées au roi René // Romania. 1929. T. 55. P. 218–225.

<sup>6</sup> Lecoy de la Marche A. Le roi René, sa vie, son administration, ses travaux artistiques et littéraires. T. 2. Paris, 1875. P. 165–167; Œuvres complètes du roi René / Ed. par Th. de Quatrebarbes. T. 4. Angers, 1846. P. 65.

убедительностью давнюю загадку<sup>7</sup>. Издатель текста Р. Дюбюи воздерживался от гипотез, однако лингвистический анализ текста привел его к выводу, что автор был родом, судя по всему, из Лотарингии [Dubuis 1973a, p. 42] – земель, принадлежавших Рене Анжуйскому благодаря его браку с Изабеллой Лотарингской, – а значит, мог вращаться при его дворе. Впрочем, и сам Рене воспитывался при кардинале соседнего герцогства Бар и, женившись в одиннадцатилетнем возрасте, вошел в номинальное владение обеими землями.

Очевидно, что эти умозаключения, более обоснованные или менее, не могут с достоверностью свидетельствовать об авторстве короля Рене или же уверенно отвергать его. Между тем проблема, как мне представляется, состоит в том, что из поля зрения исследователей выпадает несколько существенных обстоятельств, обусловленных эпохой и самим произведением.

### *Homines ludentes*

Основополагающим в понимании этого сочинения, а следовательно, в поиске автора становится контекст – как литературный, так и исторический, – в котором он мог быть создан. В связи с интересующим нас сочинением следует вспомнить суждение известного нидерландского ученого Й. Хейзинги об игровом начале средневековой культуры<sup>8</sup>. Особенно сильно оно проявлялось, с его точки зрения, именно в придворно-рыцарской культуре знати.

---

<sup>7</sup>Нельзя также не упомянуть, что еще в одной рукописи (BNF. Ms. Fr. 12775) автором обозначен некий Шарль де Рошфор, камергер графа д'Этампа в бургундских землях. Эта версия давно признана неубедительной, поскольку запись сделана другими чернилами и содержится через несколько листов после самого текста «Обманутого при дворе». О Рошфоре известно немного, единственное, что связывает его с Рене Анжуйским, это то, что он был взят королем в плен в 1430 г. Других литературных произведений, связанных с именем Рошфора, неизвестно. Полагают, что он был лишь заказчиком, т. е. речь идет о сокращенном предлоге: не «кем» (par), а «для кого» (pour) [Dubuis 1973a, pp. 29–31].

<sup>8</sup>*Хейзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Айрис-пресс, 2002; *Он же.* Homo ludens: Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. Современное переосмысление трудов нидерландского ученого, а также игровой составляющей средневековой культуры см. [Brown 2019].

Посвящение в рыцари, турниры, геральдика, ордена, обеты, куртуазное поведение и поэзия, этикет, церемонии и проч. – во всем этом «игровой фактор сохраняет полную силу и значительную творческую потенцию»<sup>9</sup>. Литература в XV в., особенно в благородной среде при дворе, не мыслится без игрового элемента, причем нередко в прямом своем смысле<sup>10</sup>. Это всевозможные шутки, загадки, ребусы, зашифрованные в стихах, часто используемый акrostих для разгадывания скрытого имени автора, игра словами и прозвищами, понятными только в определенной среде, завуалированные намеки, цитаты и смысловые заимствования из поэтических сочинений друзей, редко понятные за пределами их круга, а также любовь к аллегориям. Авторы скрываются под масками, театрализуя литературу, но под ними неизбежно проглядывает истинное лицо сочинителя. В политически ангажированном дискурсе – это также двусмысленность и подмена понятий. Многие игры смыслов нам уже совершенно не очевидны, часто мы их просто не видим в тексте. Они могли быть просто утеряны, поскольку имели коннотации с устными беседами. Ко всему прочему, мы не можем знать весь диапазон даже сохранившихся до наших дней текстов, чтобы выявить отдельную цитату, тем более литературно обыгранную. Наглядным примером в этом смысле является сочинение «Сто новых новелл», сборник, появившийся при бургундском дворе в 1460-е гг., в котором, по выражению Жана Дюфурне, повествование состоит из бесконечной череды обманов, связывающих персонажей, а двусмысленностью проникнуто все, вплоть до мельчайших языковых единиц [Дюфурне 2001, с. 190]. Олицетворением игровой составляющей литературы этого времени можно, без сомнения, назвать сочинения Франсуа Вийона, не сказавшего в своем творчестве «ни слова в простоте», сутью произведений которого была сама игра: он «никогда не является нам открыто, а голос нигде не звучит прямо»<sup>11</sup>.

В «Обманутом при дворе» нет очевидного для нашего современника завуалированного намека на личность автора, несмотря на то что повествование ведется от первого лица. Лирический герой говорит о себе много, но при этом не говорит ничего. Его имя не зашифровано в тексте, как бывало в сочинениях этого времени. Более того, он, похоже, пытается вести нас по ложному пути: выдает мелкие «подсказки» в одном месте, которые противоречат фактам, упомянутым в другом. Например, оказывается, что, несмотря на

<sup>9</sup> Хейзинга Й. Homo ludens... С. 250–251.

<sup>10</sup> См. об этом, в частности, статьи [Михайлов 2001].

<sup>11</sup> Андреев Л.Г., Козлова Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987. С. 75–77.

отсутствие хорошей должности, крайнюю нищету и долги, у героя имеется штат служащих – «мои люди» [Dubuis 1973b, p. 78].

В этой связи не может не насторожить тот факт, что интересующее нас сочинение посвящено теме обмана. Главные протагонисты сочинения – это персонифицированный Обман, который заправляет всем при дворе правительницы, и его жертва – Обманутый. Действий в произведении не так много, но если оставить только их, отвлекшись от описаний, рефлексий и переживаний героя, то окажется, что ему все говорят неправду. Поначалу при дворе все изучают новичка и льстят ему, но вскоре интерес к его персоне проходит, правительница кормит обещаниями вместо оплаты службы, друзья и торговцы со всей любезностью хитроумно обманывают, находя причины, чтобы не дать ему в долг. Правду Обманутому говорит только шут, что может оказаться принципиальным моментом в попытке выяснить обстоятельства, при которых этот текст появился на свет. Таким образом, мы являемся свидетелями двойного обмана, когда автор, скрываясь от публики и дезориентируя ее, рассказывает о жизни героя, который повелся на обман и потерял все, что имел.

### *Автор за письменным столом*

На пути поиска анонимного автора есть еще один немаловажный вопрос, который редко затрагивается, поскольку, видимо, мы пока не знаем всех его аспектов, – это сам процесс написания произведения в Средние века. Мы можем увидеть на миниатюрах этого времени Кристину Пизанскую, пишущую за пюпитром, или прочесть у бургундского придворного историографа Жоржа Шатлена, как он сидит у себя в Валансьене и составляет из стекающихся к нему документов хронику. В первом случае мы можем составить представление о процедуре самого письма, во втором – об аналитической работе при создании текста. Но как создавали свои сочинения, например, поэт-разбойник Франсуа Вийон или знатные сеньоры, особенно такие высокопоставленные персоны, как тот же Рене Анжуйский?

Если о полуполюгендарном бродяге мало что доподлинно известно, то о короле мы можем высказать некоторые предположения. Писал он не собственноручно, сидя за пюпитром<sup>12</sup>. Столетьем

---

<sup>12</sup> Во всяком случае, в следующем столетии такое не могли себе представить: одна из рукописей составленной им «Книги турниров» содержит надпись XVI в., сообщающую, что «эта книга была продиктована королем Рене Сицилийским» (“a esté dicté par le roy René de Sicille”). См.: [Muir 1998, p. 61].

раньше другой анжуйский сеньор, Жоффруа де Ла Тур Ландри, описал в своей книге процесс сочинительства. У него было четыре помощника, которые собирали ему материалы, а он отбирал их, что-то дополнительно диктовал (в основном истории из собственной жизни) и формировал окончательную версию книги. Похожим образом, по всей видимости, создавался сборник «Сто новых новелл»: благородные сеньоры рассказывали в дружеском кругу свои истории, которые затем было поручено записать неизвестному автору [De Blicq 2004, pp. 94–104; Roger 2011, pp. 150–175]. Интересно, что в заголовке каждой истории этого «коллективного» сборника непременно указывался рассказчик. Среди них – дофин, герцог Бургундский и другие высокородные господа, которым незачем было скрывать свои имена, несмотря на частые непристойные намеки. Рене Анжуйский тоже, как мы помним, не скрывал своего авторства.

Очевидно, что автор «Обманутого...» описывает придворную жизнь не понаслышке. Он вращался при дворе, и, более того, он пишет для тех, кто знает двор и понимает, о чем идет речь. Если говорить об анжуйско-провансальском дворе, как о возможном месте создания «Обманутого...», то вероятнее всего подобным образом сочинял свои произведения и Рене Анжуйский, а сам процесс происходил в литературном кружке друзей и единомышленников. Такой круг общения у короля действительно был. На сегодняшний день известны имена 11 сочинителей при его дворе [Van Hemelryck, Naug 2011, pp. 287–294], еще о шести можно говорить с определенной долей уверенности [Naug 2013, pp. 134–143]. Исследования продолжаются, появляются имена неизвестных нам доньне сочинителей, меняются атрибуции сохранившихся текстов, но в любом случае нужно говорить о существовании активно действующей литературной среды при дворе короля Рене. Процесс сочинительства мог быть совместным действием. Согласно счетам Рене, а также текстам прологов некоторых произведений, сочиненных его окружением, нам известно, что король не только заказывал создание произведений, но и активно участвовал в разработке замысла и выборе источников для текста [Parussa 2011, pp. 224–225]. В пользу возможного коллективного творчества свидетельствует и то, что произведения Рене Анжуйского не похожи по стилю между собой, но при этом имеют общие черты с другими сочинениями этой эпохи и региона. Кроме того, у других авторов круга Рене (к примеру, у Жана дю Прие) также различался стиль в атрибутированных ему текстах, что дает основание полагать, что творчество могло быть совместным [Runnals 1981, pp. 167–168].

*Писатель-театрал*

Существенным моментом в нашей попытке найти автора и тем самым подтвердить или опровергнуть авторство Рене Анжуйского является то, что король, по выражению одного из исследователей, был «самым большим покровителем театра эпохи Средневековья». Рене посвящал театральным представлениям столько же времени и средств, сколько организации турниров. Свою склонность он, вероятно, воспринял от матери, Иоланды Арагонской, о которой документы сообщали, что однажды она была так увлечена представлением, что не заметила, как у нее украли деньги и срезали рукав платья [Runnals 1981, pp. 159, 166, 177]. Сохранившиеся счета короля свидетельствуют, что где бы он ни находился, он везде присутствовал на представлениях фарсов и моралите. Это происходило даже во время переговоров с Людовиком XI в Лионе в 1476 г., где речь шла о присоединении его владений к королевскому домену, и даже в последние дни его жизни, когда актеры разыгрывали перед ним в комнате пьесы [Runnals 1981, pp. 173–175]. Это важно, потому что «Обманутый при дворе» представляется чрезвычайно сценичным произведением<sup>13</sup>. В нем мало действующих лиц. Главных персонажей, тех, у кого достаточно реплик, всего пять-шесть, как это и было принято в фарсах. Текст поделен рубриками, обозначающими персонажа, вступающего в разговор. В нем нет пространных описаний внешности персонажей – обычно это краткие обозначения, наподобие: «вошел молодой человек странной внешности»<sup>14</sup>, но в то же время встречаются указания на какую-то яркую черту, характерную для облика персонажа. Так, наивный герой вопрошает Обман, «почему у вашего компаньона Самоуверенности такие большие уши»<sup>15</sup>. Это могло служить подсказкой для постановщика сценки или актеров [Евдокимова 2001, с. 302–303].

Не исключено, что сочинение создавалось с учетом возможного театрального показа или чтения по ролям<sup>16</sup> перед придворными.

---

<sup>13</sup> О театральности «Обманутого...» и сравнении его с фарсом, соти и моралите см.: [Maddox 2015, p. 144].

<sup>14</sup> “...d’assez estrange stature estoit” [Dubuis 1973b, p. 40].

<sup>15</sup> “...pour quoy vostre compaignon Folcuider porte les oreille tant grandes?” [Dubuis 1973b, pp. 36–37].

<sup>16</sup> Углубленное исследование по этому поводу рукописных и первопечатных копий «Обманутого...» пока не проводилось. Известные мне экземпляры не позволяют трактовать текст как предназначенный для полноценной театральной постановки на сцене, поскольку подобные тексты

В XV в., несмотря на принятое мнение о переходе в это время от озвученного чтения к чтению «про себя», в светской среде активно используется чтение вслух, но не в смысле дешифровки и понимания написанного, как прежде, а как коллективное времяпрепровождение и средство общения. Источники свидетельствуют, что многие позднесредневековые авторы рассчитывали, что их сочинения «услышат», т. е. на их публичное прочтение [Науг 2009]. Безусловно, наш текст не был рассчитан изначально на уединенное вдумчивое осмысление, а создавался для того, чтобы быть услышанным в среде единомышленников и, возможно, вместе посмеяться.

Однако нельзя не учитывать и другое. Произведение получилось довольно сценичным, потому что автор ранее имел опыт написания именно театральных сочинений. Оно могло и не предназначаться для сцены, поскольку содержало довольно большие объемы прозаических частей, но автор писал так, как привык и умел.

Таким образом, вполне вероятно, что ее создателем был человек, уже сочинявший прежде тексты, предназначенные для театра. При этом он был очень талантливый поэт, с легкостью манипулировавший рифмами и ритмами поэтического текста, прекрасно знающий традиции стихосложения и безбоязненно вводящий стилистические новшества, которые поэты «откроют» лишь через несколько веков [Dubuis 1973a, pp. 43–44]. Мы знаем, что при анжуйско-провансальском дворе был круг людей, создававших литературные и театральные сочинения. Но один из этих людей представляется особенным. О его литературном таланте исследователи заговорили лишь недавно. Между тем не исключено его прямое влияние на ход создания этого текста. Этим человеком был придворный шут короля Рене по имени Трибуле<sup>17</sup>. Известно, что Рене Анжуйский чрезвычайно ценил его, дарил самые дорогие подарки и королевскую одежду, велел даже выбить его изображение на медали. Восхищались его талантами и гости: Карл Орлеанский некогда подарил ему коня стоимостью 10 турских ливров [Roy 1980, pp. 14–16].

Трибуле был не только шутком, но и актером театральной труппы, дававшей представления при дворе Рене Анжуйского. Однако для нас важно то, что он был еще и автором нескольких сочинений. В частности, не так давно с его именем связали известный фарс о мэтре Патлене – главный и, как считается, самый ранний шедевр

---

(например, мистерии) обычно содержали ремарки автора или постановщика для актеров и не нуждались в декоративном оформлении.

<sup>17</sup> Его не следует путать с его будущим тезкой при дворе короля Франции Франциска I.

французского комического театра<sup>18</sup>. В этом фарсе можно найти некоторые сюжетные линии, перекликающиеся с «Обманутым...»: обедневший герой, витиеватая обманная речь, продажа ткани в долг. Главный герой, умевший изображать речь на разных языках, отсылает к самому Трибуле, обладавшему таким талантом [Roy 1980, p. 25]. Происходивший, судя по всему, из провансальской семьи [Roy 2001], он мог вполне использовать лотарингский диалект для удовольствия своих хозяев. А в самом «Обманутом...» на шутовской колпак с ослиными ушами намекают и заинтересовавшие главного героя «большие уши» придворных.

Анонимный автор не знает обширной традиции антикуриальных литературных сочинений, он никого напрямую не цитирует, что представляется нонсенсом для литературы XV в. Интересным отличием этого сочинения от других подобных по жанру текстов является то, что все прочие авторы критикуют окружение правителя, но никогда его самого, и лишь главный герой «Обманутого...» без обиняков выговаривает своей правительнице все, что он думает о жизни при ее дворе. Подобное поведение сложно представить себе в иерархической системе Средневековья и можно оценить как карнавальное, шутовское. Характерным и совершенно ожидаемым для читателя становится момент, когда в сочинении появляется шут. Это проходной персонаж, у него лишь маленькая сцена краткого разговора с главным героем, но, как оказывается, это самый здравомыслящий персонаж, который говорит правду в отличие от всех остальных. Сцена этого разговора расположена ровно посередине сочинения и происходит в переломный момент жизни героя.

### *Писатель и читатель*

Созданное в плодородной среде увлеченных театром людей, читавшееся вслух, сочинение должно было стремительно распространиться среди придворной публики. Действительно, нам известно о девяти рукописях и десяти печатных изданиях «Обманутого...». Все рукописи и больше половины печатных книг были созданы уже в XV в., вскоре после того, как произведение увидело свет. Если оно было написано с учетом возможной сценической постановки, то неудивительно его быстрое и довольно широкое распространение, а также то, что в некоторых рукописях и одной инкунабуле значится имя короля Рене, если распространение началось с анжуйского

---

<sup>18</sup> Разработкой этой гипотезы много лет занимался Брюно Руа. Результатом его труда стала серия статей и итоговая монография [Roy 2009].

двора, кто бы ни был его автором. На анжуйский «след» указывает и конвой одной из рукописей (Yale University Library, Beinecke 776), бытовавшей в составе из двух сочинений: «Обманутого при дворе» и «Храма Боккаччо», написанного Жоржем Шатленом в утешение Маргарите Анжуйской, дочери короля Рене.

О владельцах рукописных копий «Обманутого...» нам пока известно немного, но те персоны, чьи имена сохранили для нас манускрипты, принадлежали к придворным кругам, что весьма характерно, поскольку сюжет мог быть интересен в первую очередь именно придворным. Это герцоги Бурбонские (BNF, ms. fr. 1989), внучка короля Карла VII Катрин де Коетиви и ее супруг Антуан де Шурс (Chantilly, ms. 299), фрейлина Анны Бретонской Маргерит де Белль-Жуа и ее семья (BNF, ms. fr. 12775), бретонская знать Шарль, Антуан и Рене д'Эспинэй (BNF, ms. fr. 25293). Упоминание об экземплярах «Обманутого...» содержится в описи имущества королеввы Франции Шарлотты Савойской<sup>19</sup>, бургундского придворного, камергера герцога Карла Смелого Филиппа де Горна<sup>20</sup>. Еще одним читателем был, по всей видимости, и известный поэт при дворе герцогов Орлеанских, а впоследствии епископ Ангулемский Октовьен де Сен-Желе. Его сочинение «Обитель чести» несет на себе явные признаки влияния «Обманутого...». И именно Сен-Желе был единственным из современников короля Рене, кто оставил свидетельства о его литературных талантах [Bouchet 2011, p. 19].

Если поначалу сочинение читалось в придворных и благородных кругах, то к XVI в., благодаря тиражам печатных изданий, «Обманутый...» стал известен и более широкой публике. Франсуа Рабле поместил в Сен-Викторскую библиотеку книгу “Le Beliné en court”. Это выдуманное название является неоднозначной игрой слов, свойственной автору «Гаргантюа и Пантагрюэля». Слово “beliner” в переносном смысле обозначает «обманывать, вводить в заблуждение»<sup>21</sup>. Таким образом, оно намекает на «Обманутого при дворе» (L'Abuzé en court), но вместе с тем и высмеивает его, поскольку основное значение этого слова «блестеть», а главный герой, как мы знаем, постоянно сетует на свою жизнь и надоедает всем своими жалобами. Анонимный автор умело использует

<sup>19</sup> Tuetey A. Inventaire des biens de Charlotte de Savoie // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. 1865. T. 26. P. 361.

<sup>20</sup> Antwerpen, Stadsarchief, Notariaat, № 3693, f. 119r–122v (inventaire Philippe de Horn). Base Bibale (IRHT) [Электронный ресурс]. URL: bibale.irht.cnrs.fr/17412 (дата обращения 25.02.2021).

<sup>21</sup> Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX<sup>e</sup> au XV<sup>e</sup> siècle. 1880. T. 1. P. 617.

стилистические приемы, в частности анафору, для создания в необходимый ему момент монотонного и однотипного звучания речи, похожего на блеяние овец. Однако у Рабле все не так просто, поскольку у этого выражения имеется и третий смысл. Слово “court” означает не только «двор», но и «суд». Соответственно мы получаем еще один перевод – «блеющий в суде», что напрямую отсылает нас опять к фарсу о мэтре Патлене, где, как известно, герой на все вопросы в суде отвечал блеянием. Неизбежно возникает вопрос: почему Рабле объединил эти два произведения в одной остроте, если их ничего не связывает? Безусловно, автор рассчитывал, что его игра слов была понятна и смешна широкому кругу читателей, в противном случае она просто бессмысленна<sup>22</sup>. Это подтверждает, что «Обманутый...» имел весьма обширную аудиторию за пределами того социального круга, которому предназначался, и, возможно, этому способствовали какие-то показы на подмостках. А главное, связь этих произведений доказывает оправданность версии, что текст мог быть создан именно при дворе Рене Анжуйского и что сочинительство не обошлось без участия королевского шута Трибуле.

### *Так кто же автор?*

В истории, которую мы пытаемся распутать, много нюансов, и зачастую одни противоречат другим. Созданный кем-то пэчворк не мог быть придуман одним человеком, во всяком случае отсылки к разным персонажам свидетельствуют об обратном. Даже если все нити сходятся на шуте Трибуле, ему одному явно было не под силу задумать и воплотить подобный придворный сюжет, полный драматизма, хотя и не лишенный юмора. В то же время «Обманутый при дворе» написан очень лично. Исследователи признают, что в его основе явно лежит чей-то персональный опыт. Само сочинение не просто антикуриальное, острое его критики направлено против правительницы, что является единственным известным мне случаем в литературе, критикующей двор. Трибу-

---

<sup>22</sup> Не исключено, что его юмор простирался и дальше. Словарь анжуйского диалекта дает со ссылкой на Рабле еще одно значение этого редкого слова: “beliner” – «заниматься любовью с женщиной» (*Ménière C. Glossaire angevin étymologique comparé avec différents dialectes. Angers, 1881. P. 242*). Учитывая, что аллегорическая правительница именуется в сочинении «Дама Двор» (“Madame La Court”), возможен еще и этот дополнительный подтекст.

ле, обласканный своим господином и вознесенный им на небывалую для шута высоту, не смог бы осуществить такой проект, несмотря на свойственную шуту и актеру способность менять маски. Автор постарался замести следы, скрыв свое имя, и по возможности запутать читателя, чтобы рассказать не свою историю. Именно поэтому он и не знает традиции других антикуриальных сочинений, не цитирует известных авторов, как было принято в литературе этой эпохи. Можно предположить, что перед нами не мелкий, малозначачий в системе двора служащий. Во-первых, настоятельная попытка себя таковым представить уже показательна, но «бедного» героя выдают оговорки о «своих людях». Во-вторых, само развитие сюжета это подсказывает. О немилости героя знают все: и весь двор (все отказываются одолжить ему денег и сторонятся его), и даже в городе (торговцы тоже в курсе и не дают ему ткань в долг, как, видимо, могли делать раньше). В-третьих, это подтверждают и литературные качества произведения: случайный человек, не имеющий никакого сочинительского опыта, но жаждущий поделиться наболевшим, вряд ли создал бы такую умелую мистификацию, запутав читателей.

И здесь невольно вспоминается жизнь Рене Анжуйского, по выражению Жоржа Шатлена – «короля без королевства», терпевшего неудачи во всех своих делах, проигрывавшего в войнах и лишенного земель французским королем. Не его ли жизнь стала поводом для мастерски сочиненной литературной игры? Не его ли это была идея – иносказательно описать свое пребывание при королевском дворе и отношение к нему правителя? Отказавшийся от завоевания номинально принадлежавших ему земель, уставший и отошедший от дел, но не потерявший чувства юмора, король Рене проводил время в литературной деятельности и организации театральных представлений. Реализовать задуманное ему мог помочь кто-то из его ближайшего литературного окружения. И возможно, что активное влияние/участие в этом принимал шут Трибуле.

Анонимное сочинение скрывает больше, чем мы пока можем о нем сказать. Определенно, его нельзя воспринимать буквально как описание чьей-то биографии, не задумываясь о широком контексте, не видя литературной игры, двойного дна, юмора. Литература XV в. никогда не обращается к читателю открыто: в серьезном всегда найдется смешное, а под маской шутки будут скрываться глубокие социальные проблемы.

## Литература

- Гилилов 1997 – *Гилилов И.М.* Игра о Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М.: Международные отношения, 1997. 474 с.
- Дюфурне 2001 – *Дюфурне Ж.* Некоторые отличительные черты поколения короля Людовика XI // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: ИМЛИ, Наследие, 2001. С. 189–221.
- Евдокимова 2001 – *Евдокимова Л.В.* Проза и стихи во французских прозиметрах XV века // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: ИМЛИ, Наследие, 2001. С. 290–327.
- Крылова 2015 – *Крылова Ю.П.* «Обманутый при дворе»: от индивидуального опыта к общей практике? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой / Под ред. О.И. Тогоевой. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 151–168.
- Крылова 2017 – *Крылова Ю.П.* Без гнева и печали: Дама-правительница в диалоге с придворным: (XV в.) // Адам и Ева. 2017. Вып. 25. С. 72–90.
- Ланн 1930 – *Ланн Е.Л.* Литературная мистификация. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 232 с.
- Михайлов 2001 – Пятнадцатый век в европейском литературном развитии / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: ИМЛИ, Наследие, 2001. 340 с.
- Bouchet 2003 – *Bouchet F.* Introduction // René d'Anjou. Le Livre du coeur d'amour épris. Paris: Hachette, 2003. P. 8–81.
- Bouchet 2011 – *Bouchet F.* Introduction au personnage de René d'Anjou: poète ou politique // René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480) / Éd. par F. Bouchet. Turnhout: Brepols, 2011. P. 13–21.
- Brown 2019 – *Brown A.* Huizinga's Autumn. The Burgundian Court at Play // Rereading Huizinga: Autumn of the Middle Ages, a Century Later / Ed. by P. Arnade, M. Howell and A. van der Lem. Amsterdam: Amsterdam Univ. press, 2019. P. 25–39.
- De Blicke 2004 – *De Blicke E.* The Cent Nouvelles Nouvelles, Text and Context: Literature and history at the court of Burgundy in the fifteenth century. PhD thesis. Glasgow: University of Glasgow, 2004. 638 p.
- Dubuis 1973a – *Dubuis R.* Introduction // L'Abuzé en court / Ed. by R. Dubuis. Genève: Droz, 1973. P. 11–55.
- Dubuis 1973b – L'Abuzé en court / Ed. by R. Dubuis. Genève: Droz, 1973. 226 p.
- Haug 2009 – *Haug H.* Le passage de la lecture oralisée à la lecture silencieuse: un mythe? // Le Moyen français. 2009. Vol. 65. P. 1–22.
- Haug 2013 – *Haug H.* Maître Pierre de Huron, agille imitateur. Bilan sur les auteurs actifs à la cour de René d'Anjou (1434–1480) // Romania. 2013. T. 131. P. 130–151.
- Huchon 2006 – *Huchon M.* Louise Labé, une créature de papier. Genève: Droz, 2006. 489 c.
- Maddox 2015 – *Maddox D.* Anti-curial satire in “L'Abuzé en cour” // Romania. 2015. Vol. 133 (1–2). P. 142–173.
- Muir 1998 – *Muir L.R.* René d'Anjou and the Theatre in Provence // European Medieval Drama. 1998. Vol. 3. P. 57–72.

- Parussa 2011 – *Parussa G.* Théâtre, politique et religion: l'art dramatique à la cour de René d'Anjou // René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480) / Éd. par F. Bouchet. Turnhout: Brepols, 2011. P. 223–237.
- Roger 2011 – *Roger G.* Les Cent Nouvelles Nouvelles: A Linguistic Study of MS Glasgow Hunter 252. PhD thesis. Glasgow: University of Glasgow, 2011. 372 p.
- Roy 1980 – *Roy B.* Triboulet, Josseume et Pathelin à la cour de René d'Anjou // Le Moyen français. 1980. Vol. 7. P. 7–56.
- Roy 2001 – *Roy B.* Préhistoire du “Bee!” // Maître Pierre Pathelin: lectures et contextes. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001. P. 79–93.
- Roy 2009 – *Roy B.* Pathelin: l'hypothèse Triboulet. Orléans: Paradigme, 2009. 170 p.
- Runnals 1981 – *Runnals G. A.* René d'Anjou et le theater // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 1981. T. 88. P. 157–180.
- Van Hemelryck, Haug 2011 – *Van Hemelryck T., Haug H.* De l'émulation bibliophile à la création auctoriale. La dynamique littéraire à la cour de René d'Anjou // René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480) / Éd. par F. Bouchet. Turnhout: Brepols, 2011. P. 285–305.

## References

---

- Bouchet, F. (2003), “Introduction”, in Bouchet, F. (éd.), *René d'Anjou. Le Livre du coeur d'amour épris*. Hachette, Paris, France, pp. 8–81.
- Bouchet, F. (2011), “Introduction au personnage de René d'Anjou: poète ou politique”, in Bouchet, F. (éd.), *René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480)*, Brepols, Turnhout, Belgium, pp. 13–21.
- Brown, A. (2019), “Huizinga's Autumn. The Burgundian Court at Play”, in Arnade, P., Howell, M. and Lem, A., van der (eds.), *Rereading Huizinga: Autumn of the Middle Ages, a Century Later*, Amsterdam University press, Amsterdam, Netherlands, pp. 25–39.
- De Blicke, E. (2004), *The Cent Nouvelles Nouvelles, Text and Context: Literature and history at the court of Burgundy in the fifteenth century*, Ph.D. Thesis, University of Glasgow, Glasgow, United Kingdom.
- Dubuis, R. (1973), “Introduction”, in Dubuis, R. (ed.), *L'Abuzé en court*, Droz, Genève, Switzerland, pp. 11–55.
- Dubuis, R. (1973) (ed.), *L'Abuzé en court*, Genève: Droz, Switzerland.
- Dufournet, J. (2001), Nekotorye otlichitel'nye cherty pokoleniya korolya Lyudovika XI [Some distinctive features of the generation of King Louis XI], in Mikhailov, A.D. (ed.), *Pyatnadsatyi vek v evropeiskom literaturnom razviti* [Fifteenth century in European literary development], IMLI, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 189–221.
- Evdokimova, L.V. (2001), Proza i stikhi vo frantsuzskikh prozimetrah XV veka [Prose and poems in French prosimeters of the 15<sup>th</sup> century], in Mikhailov, A.D. (ed.), *Pyatnadsatyi vek v evropeiskom literaturnom razviti* [Fifteenth century in European literary development], IMLI, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 290–327.

- Gililov, I.M. (1997), *Igra o Ul'yame Shekspire, ili Taina Velikogo Feniksa* [A Play about William Shakespeare, or the Mystery of the Great Phoenix], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Haug, H. (2009), "Le passage de la lecture oralisée à la lecture silencieuse: un mythe?", *Le Moyen français*, vol. 65, pp. 1–22.
- Haug, H. (2013), "Maistre Pierre de Huron, agille imitateur. Bilan sur les auteurs actifs à la cour de René d'Anjou (1434–1480)", *Romania*, t. 131, pp. 130–151.
- Huchon, M. (2006), *Louise Labé, une créature de papier*, Droz, Genève, Switzerland.
- Krylova, Yu.P. (2015), " 'Deceived at Court': From Individual Experience to General Practice?", in Togoëva, O.I. (ed.), *Povsednevnye praktiki Srednevekov'ya i Novogo vremeni: ot informatsii unikal'noi k informatsii verifitsiruemoi* [Everyday practices of the Middle Ages and Modern Times. From unique information to verifiable one], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 151–168.
- Krylova, Yu.P. (2017), "Without anger and sadness: Lady-ruler in dialogue with a courtier (15<sup>th</sup> century)", in *Adam i Eva* [Adam and Eve], issue 25, pp. 72–90.
- Lann, E.L. (1930), *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary hoax], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, Russia.
- Maddox, D. (2015), "Anti-curial satire in 'L'Abuzé en cour' ", in *Romania*, vol. 133, no. 1–2, pp. 142–173.
- Mikhailov, A.D. (ed.) (2001), *Pyatnadsatyi vek v evropeiskom literaturnom razviti* [Fifteenth century in European literary development], IMLI, Nasledie, Moscow, Russia.
- Muir, L.R. (1998), "René d'Anjou and the Theatre in Provence", in *European Medieval Drama*, vol. 3, pp. 57–72.
- Parussa, G. (2011), "Théâtre, politique et religion: l'art dramatique à la cour de René d'Anjou", in Bouchet, F. (éd.), *René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480)*, Turnhout: Brepols, Belgium, pp. 223–237.
- Roger, G. (2011), *Les Cent Nouvelles Nouvelles: A Linguistic Study of MS Glasgow Hunter 252*, Ph.D. Thesis, University of Glasgow, Glasgow, United Kingdom.
- Roy, B. (2001), "Préhistoire du 'Bee!' ", in Hüe, D. and Smith, D. (eds.), *Maistre Pierre Pathelin: lectures et contextes*, Presses universitaires de Rennes, Rennes, France, pp. 79–93.
- Roy, B. (2009), *Pathelin: l'hypothèse Triboulet*, Paradigme, Orléans, France.
- Roy, B. (1980), "Triboulet, Jossemaume et Pathelin à la cour de René d'Anjou", *Le Moyen français*, vol. 7, pp. 7–56.
- Runnals, G. (1981), "René d'Anjou et le théâtre", *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*, vol. 88, pp. 157–180.
- Van Hemelryck, T. and Haug, H. (2011), "De l'émulation bibliophile à la création auctoriale. La dynamique littéraire à la cour de René d'Anjou", in Bouchet, F. (ed.), *René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480)*, Turnhout, Brepols, Belgium, pp. 285–305.

*Информация об авторе*

Юлия П. Крылова, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский просп., д. 32а; krylova@igh.ru

*Information about the author*

Yulia P. Krylova, Cand. of Sci (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia; krylova@igh.ru